

УДК 39;811.161.1;811.511:143

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-207-222

Образ красивой женщины в мансийской и русской фразеологической картине мира

О. Ю. Динисламова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
o.dinislamova@yandex.ru*

С. С. Динисламова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
dinislamovass@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье в сопоставительном плане рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) мансийского и русского языков как лексические средства описания образа красивой женщины; выявляется комплекс народных представлений о женской красоте; определяются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов; описываются компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику исследуемых фразеологизмов сопоставляемых языков.

Цель: рассмотреть языковую репрезентацию образа красивой женщины в мансийской и русской фразеологии в контексте лингвокультурологического, а также лингвокогнитивного содержания национальных картин мира.

Материалы исследования: материалом послужили фразеологизмы мансийского и русского языков, служащие средствами репрезентации образа красивой женщины.

Результаты и научная новизна. Результатом проводимого исследования являются выявление и описание национально-культурного своеобразия фразеологизмов мансийского и русского языков, репрезентирующих образ красивой женщины. Несомненно, новаторским представляется лингвокультурологическое исследование внешности мансийской женщины на фоне русской лингвокультуры. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении фразеологического словаря мансийского языка, а также словарей антропоцентрической фразеологии сопоставительного плана.

Ключевые слова: фразеология, образ красивой женщины, женская красота, фразеологизмы мансийского языка, фразеологизмы русского языка, сопоставительная фразеология, фразеология мансийского языка, мансийский язык, манси.

Благодарности: авторы статьи выражают благодарность рецензентам и информантам, прекрасно владеющим мансийским языком, обладающим глубокими знаниями традиционной культуры народа манси.

Для цитирования: Динисламова О. Ю., Динисламова С. С. Образ красивой женщины в мансийской и русской фразеологической картине мира // Вестник утраведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 207–222.

The image of a beautiful woman in Mansi and Russian phraseological picture of the world

O. Yu. Dinislamova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
o.dinislamova@yandex.ru*

S. S. Dinislamova

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
dinislamovass@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. The article deals with the phraseological units (PU) of the Mansi and Russian languages as lexical means of description of the image of a beautiful woman in comparative terms; the reflection of folk ideas about the beauty of women is revealed; the universal and specific parameters of figurativeness of metaphorical expressions in description of the image of a beautiful woman are determined; the components of semantics and figurative internal forms that create the national and cultural specificity of the PU are described.

Objective: to consider the language representation of the image of a beautiful woman in the Mansi and Russian phraseology in the context of the linguocultural content of national pictures of the world.

Research materials: the materials of the research are the PU of the Mansi and Russian languages, serving as a means of representation of the image of a beautiful woman.

Results and novelty of the research. The results of the research is the identification of national and cultural originality of the PU of the Mansi and Russian languages, representing the appearance of beautiful woman, as well as universal and specific features of the PU of the compared languages. Undoubtedly, the innovative is a linguistic and cultural study of the appearance of a Mansi woman on the background of Russian culture. The scientific novelty of the research lies in the fact that the work uses linguocultural analysis of the phenomenon of beauty in terms of phraseological representation in languages of different systems. The practical significance of the research is determined by the possibility of using its results in lexicographical practice in compiling the phraseological dictionary of the Mansi language, as well as dictionaries of anthropocentric phraseology of the comparative plan.

Key words: phraseology, image of a beautiful woman, female beauty, phraseological units of the Mansi language, phraseological units of the Russian language, comparative phraseology, phraseology of the Mansi language, Mansi language.

Acknowledgements: the authors express gratitude to the reviewers and informants who are fluent in the Mansi language, have a deep knowledge of tradition culture of the Mansi people.

For citation: Dinislamova O. Yu., Dinislamova S. S. The image of a beautiful woman in Mansi and Russian phraseological picture of the world // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 207–222.

Введение

Настоящая статья посвящена вопросу передачи представлений о женской красоте и связанных с ней субъективных оценок и ассоциаций, закреплённых в виде ФЕ в мансийском языке на фоне русского языка. Выбор фразеологического материала обусловлен тем, что ФЕ содержат в себе систему стереотипных образов, прототипов и эталонов и представляют собой совокупность той части устойчивых единиц, которая является наиболее маркированной с точки зрения проявления национально-культурной специфики.

Наиболее частотными единицами, представляющими человека во фразеологической картине мира (ФКМ), являются *признаковые* фразеологизмы, которые выражают качественную характеристику его внешнего облика. Эти фразеологизмы состоят из нескольких семантических разрядов. К таким разрядам, например, могут быть отнесены *красота, возраст, здоровье, одежда, рост* и т. д., то есть предметом

исследования являются фразеологизмы, описывающие характеристики человека по различным зрительно воспринимаемым признакам. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении семантического поля *женская красота*.

В научной литературе существует достаточно работ, посвящённых различным аспектам концепта *красота* и связанным с ним эстетическим оценкам [12; 14; 16], однако попытка сравнительного анализа фразеологизмов, репрезентирующих образ красивой женщины, выявление и описание эталонов женской красоты в мансийском и русском языках до настоящего времени не предпринимались.

В данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: 1) каким представляется образ красивой женщины в мансийской и русской ФКМ; 2) какое значение имеет женская красота в системе ценностей носителей мансийского и русского языков; 3) какими являются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе ме-

тафорических переносов при репрезентации образа красивой женщины посредством ФЕ; 4) в рамках каких кодов культуры отражается мировидение мансийского и русского народов в системе рассматриваемых фразеологизмов; 5) какие образы используются во фразеологизмах, репрезентирующих женскую красоту в мансийской и русской ФКМ.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили ФЕ мансийского и русского языков, служащие средствами репрезентации образа красивой женщины.

В работе применялись сравнительно-сопоставительный и описательный методы, интерпретативный метод, приём сплошной выборки, фразеологический метод идентификации.

Результаты

У представителей одной и той же лингвокультурной общности совокупность ассоциаций, возникающих при восприятии человеком окружающего мира, складывается в определённую систему, которую Н. И. Жинкин назвал универсальным предметным кодом [21]. Последний находит своё языковое выражение в паремиях, фразеологизмах. При этом же совершенно отчётливо он проступает и в метафорах, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности посредством образов-эталонов, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, духовным и материальным ценностям. Вот почему столь важным представляется рассмотрение метафоры, её функциональной роли, в том числе в процессе метафоризации фразеологических выражений. Анализ метафор, репрезентирующих красоту женщины в мансийском и русском языках, позволяет выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов. Возможность подобного анализа обусловлена общностью лексико-семантических групп, в рамках которых развиваются переносные значения в рассматриваемых языках. Таким образом, достоинство метафорического подхода заключа-

ется в том, что он даёт возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов.

Метафора считается эстетически привлекательной и воздействующей на эмоции человека из-за своего когнитивного несоответствия [41]. Это утверждение подтверждается соответствующими нейронными эффектами метафоры [36]. Считается, что метафора включает в себя несколько ключевых атрибутов в контексте эмпирического исследования (например, ознакомление, образность, *imageability*) [34; 35]. Образность метафоры относится к той степени, которая не соответствует его буквальным аналогам [39; 34]. Чем более инконгруэнтным является метафорическое выражение, тем труднее его понять [35]. Таким образом, степень образности указывает на сложность метафоры. Ещё одним важным показателем является *imageability* – свойство вербального выражения, указывающее, насколько легко человек может сформировать связанный мысленный образ [37].

Как показатель эстетической оценки привлекательность связана с эмоциональным откликом, то есть предполагается, что она тесно коррелирует с гедоническими чувствами воспринимающего [38; 40]. В зарубежных работах существует множество исследований факторов, влияющих на физическую привлекательность [38], при этом собственно лингвистических трудов по вопросам изучения привлекательности проводилось немного, и на сегодняшний день эти исследования демонстрируют, что именно образные выражения обладают наибольшим потенциалом вызывать эстетические чувства [33].

В данной статье рассматриваемые ФЕ выражают эстетические чувства носителей мансийского и русского языков, то есть те «ценностные переживания, для испытания которых необходимы память, фантазия, эмоциональная чуткость» [10, 116], которые помогают идентифицировать прекрасное. Чувство прекрасного относится к высшим чувствам человека – эмоциональным состояниям индивидуума, вызванным культурными и социально значимыми факторами (этическими, эстетическими, интеллектуальными, практическими, религиозными, пугническими, глористическими, гедонистическими и др.).

В категории *прекрасного* отражаются явления действительности, доставляющие чувство наслаждения. Это наивысшая эстетическая ценность, к которой стремится человеческая психика. *Прекрасное* тесно связано с понятием идеала, наиболее близкими ему по значению понятиями являются *гармония* и *красота* [19, 19].

По определению С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, *красота* – совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение [17, 304]; *красивый* – доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный [17, 303].

Д. Н. Ушаков определяет *красоту* как всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение [22, 276]; *красивый* как нравящийся своим внешним видом, поражающий зрение правильностью очертаний, сочетанием тонов, соотношением линий; отличающийся гармоничностью, стройностью движений [22, 276].

Таким образом, *красота* как эстетическая категория является одной из универсальных форм бытия материального мира в человеческом сознании, раскрывающая эстетический смысл явлений, их внешние и (или) внутренние качества, которые вызывают удовольствие, наслаждение, моральное удовлетворение. Высшей степенью красоты, выражением её сущностного эстетического начала является *прекрасное* [32, 102].

Общий корпус мансийских фразеологизмов, репрезентирующих внешнюю красоту женщины, составляет 31 единицу. Кроме того, в подборку в качестве вспомогательного иллюстрирующего материала включены образные выражения, извлечённые из художественных произведений мансийского писателя Ювана Шесталова [27; 28; 29; 30], а также 14 ФЕ, репрезентирующих некоторые аспекты духовной, внутренней красоты. В русском языке корпус фразеологизмов, репрезентирующих внешнюю красоту, составляет 31 единицу. Приведённая статистика может свидетельствовать об одинаковой релевантности вербализации внешней красоты женщины в обеих ЯКМ.

Рассматриваемые материалы получены методом сплошной выборки из следующих

источников: мансийские фольклорные тексты – «Именитые богатыри Обского края» [5; 6; 7; 8], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [13], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [15], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [3]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка: М. Т. Двиняниновой, М. В. Кумаевой, Г. П. Самбиндаловой (верхнесосьвинский говор), Д. Т. Лисовой, С. С. Динисламовой, В. И. Ивановой (среднесосьвинский говор), Л. Н. Панченко, Т. Д. Слинкиной, Г. Н. Ларионовой (сыгвинский говор); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [23], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [24] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [25].

В мансийском языке для репрезентации внешней красоты имеется следующий ряд синонимичных прилагательных: *нётнэ* ‘красивый’, *аняну* ‘красивый, нарядный’, *аня* ‘красивый’, *посых* ‘милый’, *сыгман* ‘статный’, *вескат* ‘опрятный’, *вёсиу* ‘красивый, нарядный’, *хорамыу* ‘красивый, нарядный’, *хуриу* ‘красивый=имеющий образ’. Интересным с точки зрения семантики представляется последнее прилагательное, форма которого образована с помощью суффикса *-иу* от существительного *хури* ‘образ, вид’. Соответственно, красота в мансийской ЯКМ рассматривается как *наличие некоего образа, внешности, вида*, и наоборот: отсутствие образа, вида оказывается связанным с отсутствием красоты. Так, слово *хуритāl* ‘некрасивый’ имеет буквальный перевод ‘не имеющий образа’, где *-тāl* – суффикс отрицания.

Подобные представления о красоте встречаются во многих языках автохтонного населения севера Западной и Центральной Сибири. Так, в хантыйском языке существует прилагательное *хурасэу* ‘красивый (букв.: имеющий облик, образ)’, в селькупском О. А. Казакевич отмечает наличие прилагательного *qurasymyl* (*kurasymyl*) со значением ‘красивый’, образованного с помощью суффикса обладания *-symyl* от существительного *quras* (*kuras*) ‘образ,

вид, внешность'. Данное прилагательное имеет буквальное значение 'имеющий образ', соответственно, 'некрасивый' по-селькупски будет *quraskytl'* 'не имеющий вида, внешности или образа' [9, 604].

Русский язык при репрезентации такой характеристики как *красивый* обладает богатым лексическим рядом: *прекрасный, приглядный, распрекрасный, хорошенький, очаровательный, привлекательный, прелестный, обольстительный, обворожительный, неотразимый, интересный, пригожий, пленительный, обаятельный, чарующий, завлекательный, манящий, соблазнительный, притягательный, магнетический, симпатичный, изумительный, приятный, милый, славный, миловидный, смазливый, пикантный, аппетитный, искусительный, взрачный, казистый, баской, красный* и т. п.

Вряд ли относительно небольшое число лексем, собственно как и фразеологизмов мансийского языка, репрезентирующих красоту, можно рассматривать как случайность: красота, являющаяся достаточно важной характеристикой в русской культуре, в мансийской занимает периферийное положение. Гораздо более значимыми здесь являются не внешние, а внутренние личностные качества женщины, такие как проворство, трудолюбие, мастерство, гостеприимство и т. п. Тем не менее, в исследуемом фразеологическом материале были выявлены ФЕ, репрезентирующие идеал (эталон) красивой женщины.

Как известно, *красивое* и *безобразное* – явления, воспринимаемые чувственно и доставляющие наслаждение/отвращение своим видом. В первую очередь, человек воспринимает другого человека зрительно. Подобная предварительная оценка позволяет сделать выводы – нравится или не нравится. О зрении как главном способе эстетического восприятия говорят такие выражения как: *аквтон нас пбслувес* 'красивая (букв.: будто просто нарисовали)'; *самагум тав нупылэ хартавег* 'красивая (букв.: глаза=мои в её сторону тянет)'; *тав нупылэ сунсууков ат пйтэгыг* 'красивая, симпатичная (букв.: на неё смотреть не перестанешь)'; *сам хот-тотунков ат вёрмегыг* 'красивая (букв.: глаз отвести не можешь)'; *тав нупылэ сунсууков ёмас* 'красивая, симпатичная (букв.: на неё смотреть хорошо)'; *самагум тув*

та ханасьг 'красивая (букв.: глаза=мои туда и прилипли)'; *Этэ-хоталэ суснувум* 'красивая (букв.: ночь-день смотрел бы)'. Таким образом, женская красота в мансийском языковом сознании может пониматься как внешняя привлекательность взору.

В первую очередь, красивая мансийская девушка (женщина) это всегда та, которая в сравнении с другими имеет *образ, вид*: *хуриу айги* 'красивая девушка (букв.: образ имеющая девушка)'. По мнению Т. А. Михайловой, в традиционной культуре при описании красивой внешности, как правило, в качестве первого и часто главного параметра выступают не гармоничность и правильность черт лица, стройность фигуры, здоровые зубы, пышные блестящие волосы и так далее, а довольно коротко – цвет глаз и волос, иногда дополнительно – цвет лица [16, 438]. В мансийском языке красивой представляется женщина, имеющая утончённые черты лица: *мань нёлл-сампа нэкви* 'женщина с красивыми, утончёнными чертами лица (букв.: с маленькими носом-глазами милая женщина)'; румяное лицо: *пайтаге нас ласьльэг* 'румяная, розовощёкая (букв.: щёки=её так и блестят)'; *вбгыр пайтун* 'румяная, розовощёкая (букв.: имеющая красные щёки)'; стройную, гармоничную фигуру: *мунт тэм пүлэ таря нанки* 'стройная, статная (букв.: недавно съеденный (один) кусочек насквозь просвечивается (просматривается)' (фольк.); *сат хотал минам пасныл тэм пүлэ таря нанки* 'стройная, статная (букв.: семь дней назад съеденный (один) кусочек насквозь просвечивается (просматривается)' (фольк.); длинную шею: *хотау сылув* 'тонкая длинная шея (букв.: лебединая шея)'; густые волосы: *паль пунк* 'густоволосая (букв.: густая голова); опрятные, аккуратно заплетённые косы: *саге састум сагыу айги (нэ)* 'девушка (женщина) с красивыми косами (букв.: ровные косы имеющая девушка (женщина) с косами)' (фольк.); *лылыу нэхыс, лылыу уй сагна айги* 'девушка с красивыми косами (букв.: девушка с косами живых соболей, живых зверей)' (фольк.); светлый цвет лица: *осэ войкан нэ* 'белолицая женщина (букв.: со светлой кожей (лица) женщина)'; выразительные тёмные глаза: *понсум сосыг кит сам* 'черноглазая (букв.: спелой смородины два глаза (фольк.)'; *сосыг тилсамыг* 'черногла-

зая (букв.: две смородины ягоды)'. Красота и выразительность чёрных глаз находят своё отражение даже в именах мансийских фольклорных персонажей, например: *Олн-Сбсыг-Сурин-Сбсыг-Ваймилыу-Най* 'Своенравная Героиня с глазами как серебряные, золотые смородины' (фольк.) [6, 21].

Таким образом, наиболее подверженными оцениванию во внешности мансийских красавиц оказываются лицо и волосы, при этом красивым представляется румяный или светлый цвет лица и густые, опрятные волосы, аккуратно заплетённые в толстые косы. Особенно красивыми у манси считаются волосы золотисто-русого цвета, что нашло отражение в устойчивом выражении *холам нйнк тйл сбрни саге* 'золотая коса (букв.: пожухшей хвои лиственницы золотая коса=её)', где цвет таких волос сравнивается с золотистой, пожелтевшей хвоей лиственницы.

Красота женщины в мансийском языковом сознании источает свет: *нэглиу хотал нйкем* 'красивая (букв.: как показавшееся (т. е. утреннее) солнце хозяйюшка)' (фольк.); *унтне хотал нйкем* 'красивая (букв.: как садящееся (т. е. вечернее) солнце хозяйюшка)' (фольк.).

В мансийском языке телосложение и фигура женщины крайне редко подвергаются эстетической оценке, за исключением вышеуказанных выражений. Причиной этому является традиционная женская одежда такого свободного кроя, что женщине удавалось скрывать беременность вплоть до самых родов. Тем не менее, стройную, высокую женщину манси невозможно было не заметить, и в этом случае она сравнивалась с русской, что находит отражение в виде выражения *русь хурипа* 'высокая, стройная (букв.: русской подобная)'. Данный фразеологизм репрезентирует стереотип, что русская девушка у манси считалась особенно красивой, в некотором смысле, идеальной в своём внешнем виде.

В мансийском языковом сознании не оставалось незамеченным миниатюрное, хрупкое телосложение женщины, что нашло отражение в виде следующих фразеологизмов: *пилсам нэ* 'миниатюрная, маленькая женщина (букв.: ягодка женщина)'; *мань катуп-лэглуп нэкве* 'маленькая, невысокая (букв.: с маленькими руками-ногами женщина)'. Кроме того, досто-

инством считалось обладание нежным, приятным голосом, например: *кэминьт турсуин айги* 'девушка с нежным голосом (букв.: с мягким голосом девушка)'; *уйрисякве хольт луйги* 'женщина с нежным голосом (букв.: птичке подобно щебечет)'.

В мансийском обществе женщины традиционно отдавали предпочтение цветастым, ярким платьям и платкам, тогда как ношение одежды тёмных цветов даже осуждалось. Данная традиция отражена в образе фразеологизмов *тбрыу акань* 'нарядная, опрятная женщина (букв.: акань (кукла) в платке)' и *акань хурип нэ* 'красивая, аккуратная, нарядная женщина (букв.: на куклу похожая женщина)', *сакыу акань* 'красивая, аккуратная, нарядная женщина (букв.: бисерная кукла)', где лексема *акань* обозначает традиционную самодельную куклу, сшитую из ткани, меха или сукна, украшенную национальными орнаментами, яркой цветной тесьмой и украшениями (*пальсак, турлопс, саквэлыг*) из разноцветного бисера.

Обратимся к художественной письменной литературе манси. Экспрессивно и ярко красоту женщины описывает в своём творчестве основоположник мансийской литературы – Юван Шесталов. Писатель отличается от других авторов-манси неординарностью мышления и мировосприятия, что находит отражение в его своеобразной поэзии. Так одним из наиболее заметных тропов в его поэтическом творчестве является метафора, сущность которой заключается в переносе наименования с одного предмета на другой на основании определённого сходства между ними, например: *хотау войкан туре* 'красивая шея (букв.: лебединая белая шея (горло)=её)'; *войкан айги* 'светловолосая, белокурая красивая девушка (букв.: светлая девушка)'; *хуриу нйй, сбрни нйй* 'красивая женщина (букв.: с образом богиня, золотая богиня)'; *карыс мэглэн сбрни саге вэгли* (букв.: на высокую грудь=её золотая коса спускается (сходит)); *элы-пэлыннт патыри сбрни хотал* 'красивая, прекрасная (букв.: перед тобой золотое солнце меркнет)' и др.

Метафоры в его поэзии могут быть семантически интерпретированы как открытые сравнения, например: *сохыт нир хольт карыс* 'стройная, статная (букв.: высокая подобно прямой

ветке); *сярмат рѣгың арась* ‘соблазнительная, чарующая, манящая (букв.: подобная горячему (жаркому) костру)’; *лӯи м̄а хольт хуриң* ‘красивая (букв.: имеющая образ северной земли)’; *нѣр хольт карыс м̄агл̄эт* ‘высокая, красивая грудь (букв.: как Уральские горы на высокой груди=ее)’; *сярмат т̄орум сов хольт самыг* ‘красивые глаза (букв.: словно звёзды на небе глаза)’; *хотаң товыл хуриң к̄атыг* ‘красивые руки (букв.: крыльям лебедя подобные руки)’; *саме с̄ос сир суртги* ‘красивые блестящие глаза (букв.: глаза=ее ручью подобно сверкают)’; *н̄йтэ н̄й сир х̄орги* ‘женщина с румяным лицом (букв.: щёки=ее словно огнём горят)’ и др.

В некоторых случаях метафоры могут быть семантически интерпретированы как открытые сравнения, несмотря на отсутствие в них каких-либо сравнительных союзов, например: *пунке ови с̄орни а̄тыл* ‘красивые золотистые волосы (букв.: голова=ее течёт (переливается) золотыми волосами)’; *л̄аглагын үйнэ үсх̄ұлыг* ‘красивые, стройные полные ноги (букв.: ноги=твои плывущие нельмы)’; *м̄аглагын х̄йтнэ с̄а̄лыиғ* ‘красивая, высокая грудь (букв.: груди=твои бегущие два оленя)’ и др.

Писатель находит метафоры и для описания украшений мансийских женщин, например: *нѣхыс порги туляң к̄атэт* ‘красивые плавные движения рук (букв.: соболю скачет по околованной руке=ее)’; *палет с̄орни Э̄тпоскис* ‘уши, украшенные серьгами (букв.: в ушах=ее золотые кольца месяца)’.

Отметим, что индивидуально-авторские выражения Ювана Шесталова не учитываются в приводимой статистике работы наряду с фразеологизмами мансийского языка, их внутренние образы не сопоставляются с русскими, поскольку в исследовании мы разделяем точку зрения В. Н. Телия, которая указывает на то, что в художественных и публицистических текстах обычно отражается индивидуально-авторская модель культуры, культурологическая интерпретация которых может носить сугубо индивидуальный характер. Отсюда она делает вывод, что единственным стабильным источником для моделей, отражающих менталитет той или иной лингвокультурной общности, выступает общенародный обиходный язык, являющийся хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры [20, 235]. Тем

не менее, мы не могли не представить индивидуально-авторские выражения Ю. Шесталова, поскольку всякое литературное творчество опирается на традиционную картину миру.

Истинное понятие женской *красоты* в мансийской ЯКМ никак не связано с внешней красотой, скорее оно основано на национальных представлениях, неразрывно связанных с духовным миром, с духовной красотой женщины. Так, важным для манси представляется, что красивая женщина непременно должна обладать внутренней красотой или красотой души, духа: *исэ-хуритэ маныр хуриңа* ‘красивая (внешне и внутренне) (букв.: душа-образ=его (ее) на что похожи)’. Качествами, требуемыми от женщины, в первую очередь, являются мастерство, трудолюбие, проворство, вежливость, воспитанность, скромность, гостеприимство, но отнюдь не красота: *сома н̄йин к̄аркамакве* ‘трудолюбивая, проворная (букв.: словно огненная проворная)’ (фольк.); *үля султум хольт р̄упиты* ‘шустрая, проворная (букв.: подобно искре огня работает)’ (фольк.); *туляң а̄ги, ю̄нтупың а̄ги* ‘мастерица (букв.: с напёрстком девушка, с иголкой девушка)’ (фольк.); *ёмас с̄янин я̄нмалтым а̄ги* ‘воспитанная девушка (букв.: хорошей матерью выращенная дочь)’; *йисың н̄э, нотың н̄э* ‘жена на всю жизнь (букв.: на веки жена, на эпохи жена)’.

Идеал женской красоты в русском языковом сознании во многом совпадает с мансийским. Так, красивой представляется женщина, обладающая ровным, здоровым цветом кожи: *как маков цвет, кровь с молоком*; красивыми, привлекательными чертами лица: *красотой бог не обидел, кукольное личико*; стройным, гармоничным телосложением: *в прекрасной форме*.

Об эстетическом восприятии красивой внешности посредством зрения говорят такие фразеологизмы как: *любо-дорого глядеть (смотреть), одно загляденье, как на картинке, глаз не оторвать, не налюбуйешься, писаная красавица, хорошенькая как картинка, глаз не нарадуется*. Образ красивой женщины в русской ЯКМ реализуется и посредством фразеологизма *пальчики оближешь*.

Необходимо отметить в русском языке наличие ФЕ *прекрасный пол* и *прекрасная половина человечества* с репрезентированным уже в самом их значении признаком *красоты*.

При эстетической оценке красоты женского телосложения в русской ФКМ отмечаются два её эталона: с одной стороны, это утончённая, стройная с тонкой талией и длинной шеей женщина, например: *стройна как пава, лебединая шея, осиная талия*. С другой стороны красивой представляется дородная, статная, с румянцем как признаком здоровья и крепким телосложением женщина: *пышное тело, сдобное тело, кровь с молоком*. Эстетической оценке также подвергается лёгкая, грациозная походка женщины: *лебединая поступь, плывёт как пава*.

Во внешности русской красавицы, так же как и мансийской, оцениванию подвергаются волосы, при этом особо приветствуется их густота: *львиная грива, копна на голове*. Положительной оценке подвергается и иссиня-чёрный цвет волос, и тёмные густые брови: *чёрные как смоль (волосы), (волосы) цвета вороного крыла, соболиные (соболи) брови*.

В русском языке существуют шутивно-ироничные фразеологизмы *модница-огородница* и *модница-сковородница*, номинирующие женщину, следящую за своей внешностью и любящую красиво одеваться. Однако уделяющая слишком много внимания своему внешнему виду, делающая акцент на своих нарядах женщина, не вызывает одобрения у носителей русской лингвокультурной традиции.

Отметим, что традиционные представления о красоте и о системе женских добродетелей на Руси оставались неизменными в течение столетий. В первую очередь, это касается деревенского уклада, сохранившего свою самобытность и незыблемость вплоть до конца XIX в. В частности, долгое время не теряли своей актуальности представления о девичестве и так называемой *славутности*. Как пишет И. Шангина, «славутность – довольно сложное понятие, включавшее в себя целый набор качеств: приятный внешний облик, обаяние, умение хорошо одеваться, вести себя по правилам, принятым в обществе, и, конечно, «честное» имя. «Славутность» считалась свойством, которое расцветает вместе с девичеством» [11].

Среди основных критериев красоты были крепкое телосложение (дородность), высокая грудь, крутые бедра, круглое лицо, длинная коса. Появившаяся позже в дворянской среде

мода на субтильных барышень в деревне не прижилась – бледная кожа и хрупкое телосложение воспринимались как признаки болезни или физической незрелости.

Однако в настоящее время в общественном сознании чаще получает положительную оценку стройность, хрупкость, субтильность фигуры, чем полнота, дородность. И. О. Окунёва отмечает, что данные оценки носят преимущественно социальный характер и вызваны перенесением на русскую почву западных ценностей и идеалов. В сознании современного русского человека первый эталон ассоциируется с изяществом, утонченностью, второй нередко связывается с деревенской простотой и некой грубоватостью манер обладателя такой внешности [18, 104].

В целом же, в русской культуре, как и в мансийской, женская красота традиционно является тесно связанной с нравственными качествами. Считается, что для русской женщины красота внутренняя, предполагающая хозяйственность, трудолюбие, целомудрие и добрый нрав, является важнее внешней красоты.

Исследование фразеологизмов сопоставляемых языков позволяет сделать вывод, что основная роль при репрезентации женской красоты принадлежит *соматизмам*. В силу своей универсальности, обусловленной онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека, соматизмы являются важными компонентами в составе фразеологизмов исследуемых языков. Употребление их в составе ФЕ в значительной степени определено тем, что они представляют собой один из древнейших пластов, непосредственно связанных с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающих культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка, который складывался в течение многих тысячелетий и который отображает не только знания носителей речи об окружающем мире, но и их представления о себе и о своём организме.

В исследуемых языках репрезентация женской красоты находит отражение посредством таких соматических компонентов как: манс. *nāйт* 'щека', *исхор* 'душа', *ос* 'кожа, поверх-

ность лица', *пуук* 'голова', *сам* 'глаз', *кāt* 'рука', *лāгыл* 'нога', *нёл* 'нос', *сыплув* 'шея'; рус. *шея, глаз, палец, тело, лицо, талия, крыло, брови, кровь, голова*. Большая часть указанных соматизмов является непосредственно объектами эстетической оценки. Универсально в мансийском и русском языках оценке подвергаются густые, а, следовательно, здоровые волосы (манс. *пāль пуук* 'густоволосый(ая) (букв.: густая голова); рус. *копна на голове*), а также длинная тонкая шея (манс. *хотау сыплув* 'тонкая длинная шея (букв.: лебединая шея)'; рус. *лебединая шея*). Фразеологизмы обоих языков, имеющие в составе соматический компонент *шея*, являются полными эквивалентами.

Некоторые соматические компоненты являются вспомогательными при формировании образов фразеологизмов, например: манс. *самагум тув та ханасыг* 'красивая (букв.: глаза=мои туда и прилипли)'; рус. *глаз не оторвать, пальчики оближешь* и др. В этом смысле универсальным соматизмом для обеих ЯКМ являются *глаза* не только как объект оценивания, но и как орган восприятия изображения. Данные примеры являются подтверждением того, что именно с помощью глаз, в первую очередь, человек получает основную информацию о мире, далее происходит сложный процесс преобразования полученных сведений о реальной картине мира в концептуальную.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих понятие женской красоты в мансийской и русской ФКМ, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов. Так, в ходе анализа в обоих языках была выявлена *натуроморфная* метафора, объектами ассоциативной проекции которой служат явления природы. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат такие понятийные сферы как *мир растений, животный мир, мир неживой природы* (ландшафт, метеорология, стихии и др.), то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

В понятийной сфере *животный мир* в исследуемых языках выделяется *зооморфная* метафора. Тесно сосуществуя в процессе своего становления и развития с животными, человек

никогда не обходился без них. Животные были мерилем многих человеческих качеств, физических и нравственных. Сравнивая животных с человеком, подмечая их поведение, повадки и наблюдая за ними, люди переносили их свойства на человека, что сказывалось на том, что образы животных заняли прочное место в построении ФЕ каждого развитого языка. Семантическая структура таких фразеологизмов возникает на основе ассоциативных связей. Как отмечает А. Д. Шмелёв, связь между человеком и животным «основана на ассоциативных, репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении» [31, 231].

Стремясь охарактеризовать своё поведение, чувства, состояния, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего и похоже на него самого – животным миром. Зооморфная метафора в рамках репрезентации женской красоты в мансийском языке представлена в образах таких животных как: манс. *нэхыс* 'соболь', *уй* 'зверь', *хотау* 'лебедь' и *уйрись* 'птичка'; в русском языке – в образах *лебедя, павы, осы, льва, ворона, соболя*. В составе фразеологизмов русского языка отмечается несколько большее разнообразие животных, чей внешний вид послужил основой метафорического переосмысления при репрезентации женской красоты. При этом универсальными зоонимическими образами для обеих ФКМ являются образы *соболя* и *лебедя*. Зоонимический компонент *соболь* в составе фразеологизмов *лылыу нэхыс, лылыу уй сагна āги* 'девушка с красивыми косами (букв.: девушка с косами живых соболей, живых зверей)' и *соболиные (соболи) брови* репрезентирует красоту волос в мансийской и бровей в русской ФКМ путём сравнения их с тёмным, блестящим и густым соболиным мехом. Данные выражения восходят к традиционным мансийскому и русскому культурам и быту, в которых мех диких животных (лисиц, соболей и др.) являлся особенно ценным и дорогим. Образ *лебедя* в обоих языках универсально используется при описании тонкой длинной шеи.

В рамках натуроморфной метафоры в понятийной сфере *мир растений* универсально была выявлена *фитоморфная* (растительная) метафора. Установлено, что растительная

лексика способна характеризовать бытие и развитие различных сфер не предметного мира, этапы жизни человека, связь поколений внутри рода, внешний облик человека, его внутренний мир. Следовательно, включение знаний о растительном мире в систему средств характеристики человека, «расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения и сопоставления, поиска и подобия образам реального мира природы – закономерный и обязательный этап развития человеческого знания о себе и носит универсальный характер» [2, 190]. Данный вид метафоры находит отражение во фразеологизмах в виде следующих образных основ: манс. *сосыг* ‘смородина’, *тāl* ‘хвоя’, *нāнк* ‘лиственница’, *пилсам* ‘ягода’; рус. *мак*. В мансийском языке данные образы относятся к семантическим группам *компоненты растений* (*тал* ‘хвоя’, *пилсам* ‘ягода’); *растения* (*сосыг* ‘смородина’, *нāнк* ‘лиственница’); в русском языке – только к семантической группе *растения* (*мак*). Отметим, что данный вид метафоры более характерен для мансийской ФКМ, что связано с особенностями образа жизни манси, в первую очередь, с природно-географическими условиями проживания.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, находит отражение только в мансийском языке в группе *природных объектов* в образе *солнца* (*хōтал*).

В мансийском и русском языках находит отражение такой вид концептуальной метафоры как *антропная*, в основе которой лежит связь предметов и явлений реального мира с человеком, например: манс. *аквтон нас пōслувес* ‘красивая (букв.: будто нарисовали)’; рус. *глаз не нарадуется, кровь играет*.

В системе фразеологических выражений, репрезентирующих женскую красоту, присутствует аксиологически маркированный, универсальный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной метафоры*, например: манс. *самагум тув та ханасыг* ‘красивая (букв.: глаза=мои туда и прилипли)’; рус. *пльвёт как пава*.

В ходе анализа при описании образа красивой женщины в обоих языках была выявлена

гастрономическая (пищевая, кулинарная) метафора, например: манс. *мўнт тэм пўлэ тара нāнки* ‘стройная, статная (букв.: недавно съеденный кусочек (на один укус) насквозь просвечивается)’; *сāt хōтал миам пасныл тэм пўлэ тара нāнки* ‘стройная, статная (букв.: семь дней назад съеденный (один) кусочек насквозь просматривается)’; рус. *пальчики оближешь, пышное тело, сдобное тело, кровь с молоком*. В мансийской ЯКМ репрезентантом гастрономической метафоры являются образы *тэм пўлэ* ‘съеденный кусочек’, в русском языке – *оближешь, пышное, сдобное, молоко*.

Универсальной для сопоставляемых языков является *цветовая метафора*, применяемая в обеих ЯКМ при описании лица, например: манс. *вўгыр пāйтуп* ‘румяная (букв.: красные щёки)’; *ōсэ войкан нэ* ‘белолицая женщина (букв.: со светлой кожей (лица) женщина)’; *как маков цвет, кровь с молоком*. Данные примеры показывают, что в обоих языках эстетической оценке подвергается цвет лица, при этом в мансийском языке подчёркивается красота как румяности, так и белизны лица (но не бледности). В русском языке красивым является румяное лицо, где под *маковым* подразумевается красный цвет, а ФЕ *кровь с молоком* содержит в своём составе указание сразу на два цвета – красный (кровь) и белый (молоко).

В обоих языках при описании внешности зачастую используются фразеологизмы, содержащие опосредованное указание на тёмный, чёрный цвет, например: манс. *понсум сосыг кит сам* ‘черноглазая (букв.: спелой смородины два глаза (фольк.))’; *сосыг пилсамыг* ‘черноглазая (букв.: две смородины ягоды)’; рус. *соболиные (собольи) брови, цвета вороного крыла*. Данные фразеологизмы, прямо не называя цвет, в своей семантике содержат значение тёмного цвета. Насыщенный тёмный цвет волос в русской ЯКМ может также быть репрезентирован посредством ФЕ *как смоль чёрный*, содержащей лексему *чёрный*. В мансийском языке зафиксирована лексема *сōрни* ‘золотой’ в составе ФЕ, репрезентирующей цвет волос: *холам нāнк тāl сōрни саге* ‘золотая коса (букв.: пожухшей хвой лиственницы золотая коса=её)’, а также в составе ФЕ *элы-пāлынт патыри сōрни хōтал* ‘красивая, прекрасная (букв.: перед тобой меркнет золотое солнце)’.

Представленный фразеологический материал мансийского и русского языков позволяет установить, что в обоих исследуемых языках в составе фразеологизмов активно реализуется *артефактная* метафора, способствующая представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности отвлечённых понятий в опоре на конкретные образы, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционных культур манси и русских. По мнению А. П. Чудинова, в языковой картине данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельностьная концептуализация мира» [26, 152].

Артефакты неразрывно связаны с человеком в его существовании. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени (новые реалии чаще появляются именно здесь), что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [1, 10]. Артефактная метафора, отсылающая к предметному, вещному коду традиционной мансийской и русской культур, находит отражение в виде следующих фразеологизмов: манс. *тõрың а́кань* ‘нарядная, опрятная женщина (букв.: кукла в платке)’; *а́кань хурип нэ́* ‘красивая, аккуратная, нарядная женщина (букв.: на куклу похожая женщина)’; *сакың а́кань* ‘красивая, аккуратная, нарядная женщина (букв.: бисерная кукла)’; рус. *как на картинке, хорошенькая как картинка, кукольное личико, копна на голове, как смоль чёрный, грудь колесом, модница-сковородница*. Как видно, артефакты и мансийского и русского языков при репрезентации *красоты* человека представляют собой преимущественно предметы повседневного быта, одежды: манс. *а́кань* ‘кукла’, *тõр* ‘платок’, *сак* ‘бисер’; в русском языке – предметы хозяйства и повседневного быта – *копна, смоль (смола), кукла, картинка, сковорода*. Универсальным образом в обоих языках является образ *куклы*, с которой сравнивается красивая женщина.

Национально-культурным своеобразием мансийской ЯКМ при репрезентации красоты является наличие в ней *временного* и *числового* кодов культуры. Так, фразеологизмы *этэ-хõталэ суснувум* ‘красивая (букв.: ночь-день смотрел бы)’; *мунт тэм пұлэ тара нәнқи*

‘стройная, статная (букв.: недавно съеденный кусочек насквозь просвечивается)’; *сõt хõтал ми́нам пасны́л тэм пұлэ тара нәнқи* ‘стройная, статная (букв.: семь дней назад съеденный (один) кусочек насквозь просматривается)’ содержат конкретные временные отрезки *эт* ‘ночь’, *хõтал* ‘день’, а также указание на длительность действия – *мунт* ‘недавно’, *сõt хõтал ми́нам* ‘семь дней назад’. Отметим наличие в составе последнего фразеологизма числа *семь*, являющегося сакральным и важным в культуре обских угров. Как отмечает Г. А. Гумерова, обские угры питают особую нежность и почтение к числу семь, это число любимо и богами [4, 94].

В составе исследуемых фразеологизмов в обоих языках наиболее частотными и продуктивными являются *субстантивные*, а также *адъективные* фразеологизмы, в составе которых используются следующие прилагательные, обладающие смыслообразующей ролью при формировании образов: манс. *вõгыр* ‘красный’, *сõрни* ‘золотой’, *войкан* ‘белый’, *хуриң* ‘красивый=образ имеющий’, *лылың* ‘живой’, *паль* ‘густой’, *кåминьт* ‘мягкий’, *понсум* ‘спелый’, *русь* ‘русский’, *хотаң* ‘лебединый’, *састум* ‘ровный’, *мånь* ‘маленький’, *холам* ‘пожухший (пожелтевший)’; рус. *писанный, прекрасный, хорошенький, кукольный, стройный, маковый, лебединый, львиный, соболинýй (соболий), осинный, пышный, сдобный, чёрный, вороной*.

Обсуждение и заключения

Рассмотренный фразеологический материал позволил составить приблизительный образ красивой женщины в мансийской и русской ФКМ. Согласно представлениям манси, красивой является невысокая, миниатюрная, ладно сложенная, стройная женщина с тонкими руками и шеей, с густыми, длинными, ухоженными косами, блестящими чёрными глазами, румяным или светлым лицом, утончёнными, тонкими чертами лица в красивой и опрятной одежде (как правило, в ярком платье и нарядном платке), а также обладающая нежным голосом. Особенно красивыми считаются женщины, обладающие волосами золотисто-русого цвета, а также по своему типу (росту, фигуре) похожие на русских.

Как уже отмечалось, наиболее богато и экспрессивно красота женщины представлена в художественном творчестве основоположника мансийской литературы – Ювана Шесталова, где красивой представляется стройная и статная женщина со светлой кожей, высокой и тонкой шеей, высокой, красивой грудью, тонкими и изящными руками, полными, стройными ногами, с переливающимися на солнце золотистыми косами, румяными щеками лучистыми, блестящими глазами, украшенная кольцами и серьгами. В целом, образ красивой женщины, сформированный на материале фразеологизмов мансийского языка в большой мере совпадает с образом, воссозданным в литературном творчестве Шесталова.

Образ красивой русской женщины, создаваемый посредством фразеологического материала, выглядит следующим образом. С одной стороны, красивой представляется стройная женщина с тонкой талией, длинной шеей и красивым, кукольным лицом. С другой стороны, красивой является и женщина в теле, со статным, крупным и дородным телосложением и румяным лицом. Густые, блестящие, здоровые волосы являются также показателем хорошего здоровья. Особенно красивыми для русского сознания представляется иссиня-чёрный цвет волос, а также наличие густых, тёмных бровей.

Сравнительно невысокая частота вербализации эстетических, внешне наблюдаемых характеристик женской *красоты* в мансийском языке свидетельствует о её невысоком рейтинге в традиционном мансийском обществе. Главная роль отводится внутренним положительным качествам женщины. В русской культуре в отличие от мансийской внешняя естественная женская красота ценится более высоко. Однако при этом она также не сводится исключительно только к красивой наружности. Таким образом, универсальной для обеих лингвокультур ценностью является обязательное наличие внутренней, но не внешней *красоты* женщины.

Основным средством создания образности ФЕ мансийского и русского языков при репрезентации *красоты* женщины является метафора. Достоинство метафорического подхода заключается в том, что он даёт возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов. На данном этапе исследования концептуальных метафор, объективирующих образ красивой женщины, можно назвать некоторые неизменные, постоянные модели, которые

являются общими для сопоставляемых языков, а именно: цветовая, гастрономическая, антропная, пространственная, артефактная и натуроморфная (фитоморфная и зооморфная) метафора. Помимо универсальных в мансийской ФКМ была выявлена метафора неживой природы.

Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер и универсально связаны с такими кодами культуры как соматическим, цветовым, зооморфным, растительным, антропным, пространственным, гастрономическим и предметным кодами, при этом в мансийской ФКМ при репрезентации *красоты* женщины отмечается тяготение к растительному, а в русской – к зооморфному и гастрономическому кодам. Помимо универсальных в мансийском языке присутствуют природный, временной и числовой коды культуры.

В результате предпринятого анализа рассматриваемых мансийских и русских ФЕ было установлено, что общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов при репрезентации женской красоты человека выявляется в довольно несущественном количестве образов. Универсальными для обеих ФКМ являются образы, реализуемые посредством:

– соматических компонентов: *голова, шея*, которые являются объектами эстетической оценки; *глаза* – в качестве органа восприятия красивой внешности;

– зоонимических образов: *соболь, лебедь*. При этом образ *соболя* используется при репрезентации красоты *волос* в мансийской и *бровей* в русской ФКМ, а образ лебедя – при описании тонкой длинной *шеи*;

– *артефактов*: универсальным образом является образ *куклы*, с которой сравнивается красивая женщина.

Основная же часть мансийских и русских фразеологизмов, частично совпадая в значениях, не совпадает в образных основах. Таким образом, большинство рассматриваемых ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующих образ красивой женщины, обладают ярко выраженными национально-культурными чертами.

Различия в восприятии и интерпретации тех или иных внутренних образов в составе фразеологизмов можно объяснить действием не только объективного фактора, который состоит из природных и культурных реалий, характерных для одного народа и отсутствующих у другого, но и субъективного, который заключается в самой

произвольной избирательности, основанной на разной трактовке одной и той же реалии во фразеологии исследуемых языков. Иными словами, исследование семантики ФЕ свидетельствует об их значительной антропоцентрической роли в отражении действительности и в общей системе номинативной деятельности языка, о возможности вербальной передачи средствами фразеологии рассматриваемого понятия *красоты* женщины у представителей мансийской и русской культур.

В то же время, рассмотрев универсальные и специфические особенности фразеологизмов, репрезентирующих образ красивой женщины,

можно прийти к выводу, что выявленные совпадения в образных картинах мира мансийского и русского языков являются неизбежными как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения картины объективной реальности.

Сокращения

манс. – мансийский язык;

рус. – русский язык;

ФЕ – фразеологическая единица;

ЯКМ – языковая картина мира;

ФКМ – фразеологическая картина мира.

Список источников и литературы

1. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.
2. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М.: Космополис, 1994. 237 с.
3. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.
4. Гумерова Г. А. Элементы духовной культуры обских угров // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 88–95.
5. Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 171 с.
6. Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.
7. Именитые богатыри Обского края. Книга четвёртая. Тюмень: Формат. 2018. 214 с.
8. Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.
9. Казакевич О. А. Красота в фольклоре народов Сибири (селькупы и их соседи) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 603–612.
10. Коломиец Г. Г. Эстетика и категория «эстетическое» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 7. С. 115–125.
11. Критерии женской красоты на Руси, или Кто такие славутницы. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/230216/28561/> (дата обращения: 14.11.2018).
12. Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. 717 с.
13. Медвежья эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
14. Мещерякова Ю. В. Концепт «КРАСОТА» в английской и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004, 232 с.
15. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
16. Михайлова Т. А. Красота цвета // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 437–445.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
18. Окунёва И. О. Прототипы и стереотипные представления о красоте человека в системе устойчивых сравнений русского и английского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 100–108.
19. Степанов Анатолий Николаевич. Революционно-демократическая концепция эстетизации общественных отношений в России XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2005. 188 с.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

21. Теория Н. И. Жинкина об особых кодах внутренней речи. URL: <https://lektsia.com/1x5a37.html> (дата обращения: 03.12.2018).
22. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2009. 960 с.
23. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.
24. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
25. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. М.: Флинта, Наука, 2004. Т. 1, 831 с.; Т. 2, 830 с.
26. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
27. Шесталов Ю. Макем Ат = Запах Родины. Тюмень: Тюменск. кн. изд., 1958. 44 с.
28. Шесталов Ю. Ньюлы эрыг = Языческая поэма. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 189 с.
29. Шесталов Ю. Сайкаланэ эрыг: поэмат = Песня пробуждения: поэмы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 56 с.
30. Шесталов Ю. Эпос. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. 55 с.
31. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
32. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
33. Bohrn I. C., Altmann U., Lubrich O., Menninghaus W., Jacobs A. M. When we like what we know – a parametric fMRI analysis of beauty and familiarity // *Brain and Language*. 2013. № 124 (1). Pp. 1–8.
34. Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A. Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // *Behavior Research Methods*. 2010. № 42 (3). Pp. 651–664.
35. Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A. Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // *Behavior Research Methods*. 2017. № 49 (2). Pp. 471–483.
36. Citron F. M. M., Goldberg A. E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2013. № 26 (11). Pp. 2585–2595.
37. Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J. Dimensions of metaphorical meaning // *Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon (Dublin, Ireland, August 23, 2014)*, pp. 166–173. URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W14-47> (дата обращения: 05.12.2018).
38. Leder H., Tinio P. P. L., Fuchs I. M., Bohrn I. When attractiveness demands longer looks: the effects of situation and gender // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2010. № 63 (9). Pp. 1858–1871.
39. Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A. Aptness and beauty in metaphor // *Language and Cognition*. 2016. № 9 (2). Pp. 316–331.
40. Rolls E. T. Neurobiological foundations of aesthetics and art // *New Ideas in Psychology*. 2017. № 47. Pp. 121–135.
41. Tendahl M., Gibbs R. W. Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory // *Journal of Pragmatics*. 2008. № 40 (11). Pp. 1823–1864.

References

1. Balashova L. V. *Rol' metaforizacii v stanovlenii i razvitii leksiko-semanticheskoy sistemy (na materiale russkogo yazyka XI–XIV vv.)* [The role of metaphorization in the formation and development of lexico-semantic system (on the material of the Russian language of XI–XIV centuries)]. Saratov, 1999. 42 p. (In Russian)
2. Boguslavskiy V. M. *Chelovek v zerkale russkoj kul'tury, literatury i yazyka* [Man in the mirror of Russian culture, literature and language]. Moscow: Kosmopolis Publ., 1994. 237 p. (In Russian)
3. *Geroicheskiy ehpos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelej* [The heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of the saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2010. 648 p. (In Mansi, Russian)
4. Gumerova G. A. *Elementy duhovnoj kul'tury obskih ugrov* [Elements of spiritual culture of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 4 (11), pp. 88–95. (In Russian)
5. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga vtoraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The second book]. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
6. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The third book]. Khanty-Mansiysk: Yugorskij format Publ., 2015. 204 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
7. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga chetyortaya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The fourth book]. Tyumen: Format Publ., 2018. 214 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)

8. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands]. Khanty-Mansiysk: IITS YUGU Publ., 2010. 150 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
9. Kazakevich O. A. *Krasota v fol'klоре narodov Sibiri (sel'kupy i ih sosedi)* [Beauty in folklore of peoples of Siberia (the Selkups and their neighbors)]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki estetiki: Konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. The languages of aesthetics: Conceptual fields of the beautiful and the ugly]. Moscow: Indrik Publ., 2004. pp. 603–612. (In Russian)
10. Kolomiets G. G. *Estetika i kategoriya «esteticheskoe»* [Aesthetics and category of the «aesthetic»]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2005, no. 7, pp. 115–125. (In Russian)
11. *Kriterii zhenskoy krasoty na Rusi, ili Kto takie slavutnicy* [Criteria of female beauty in Russia, or Who is a slavutnitsa]. Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/230216/28561/> (accessed November 14, 2018). (In Russian)
12. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki estetiki: konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. The languages of aesthetics: Conceptual fields of the beautiful and the ugly]. Comp., ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Indrik Publ., 2004. 717 p. (In Russian)
13. *Medvezh' i ehpicheskie pesni mansi (vogulov)* [Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2012. 658 p. (In Mansi, Russian)
14. Meshcheryakova Yu. V. *Koncept «KRASOTA» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah* [The concept «BEAUTY» in English and Russian linguocultures]. Volgograd, 2004. 232 p. (In Russian)
15. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East; Vol. 26]. (In Mansi, Russian)
16. Mikhaylova T. A. *Krasota cveta* [The beauty of color]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki estetiki: konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. The languages of aesthetics: Conceptual fields of the beautiful and the ugly]. Moscow: Indrik Publ., 2004. pp. 437–445.
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russian)
18. Okunyova I. O. *Prototypy i stereotipnye predstavleniya o krasote cheloveka v sisteme ustojchivyh sravnenij russkogo i anglijskogo yazykov* [Prototypes and stereotypes about human beauty in the system of stable comparisons of the Russian and English languages]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2008, no. 3, pp. 100–108. (In Russian)
19. Stepanov A. N. *Revolucionno-demokraticeskaya koncepciya estetizacii obshchestvennyh otnoshenij v Rossii XIX veka* [Revolutionary-democratic concept of aestheticization of social relations in Russia of the XIX century]. Samara, 2005. 188 p. (In Russian)
20. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996. 288 p. (In Russian)
21. *Teoriya N. I. Zhinkina ob osobyh kodah vnutrennej rechi* [Theory by N. I. Zhinkin about special codes of internal speech]. Available at: <https://leksia.com/1x5a37.html> (accessed November 19, 2018). (In Russian)
22. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya* [Large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition]. Moscow: Dom Slavyanskoj knigi Publ., 2009. 960 p. (In Russian)
23. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Moscow: Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. (In Russian)
24. Voynova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fyodorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1986. 543 p. (In Russian)
25. Korolkova A. V., Lomov A. G., Tikhonov A. N. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinic: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35000 phraseological units: in 2 vol.]. Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004. Vol. 1. 831 p.; Vol. 2. 830 p. (In Russian)
26. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive research of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2001. 238 p. (In Russian)
27. Shestalov Yu. *Makem At = Zapakh Rodiny* [The Scent of the Motherland]. Tyumen: Tyumensk. kn. izd. Publ., 1958. 44 p. (In Mansi)
28. Shestalov Yu. *Nyuly ehryg = Yazycheskaya poehma* [The Pagan Poem]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1984. 189 p. (In Mansi)

29. Shestalov Yu. *Sajkalaneh ehryg: poehmat = Pesnya probuzhdeniya: poehmy* [The Song of Awakening: poems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1965. 56 p. (In Mansi)
30. Shestalov Yu. *Etpos* [Etpos]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1968. 55 p. (In Mansi)
31. Shmelyov D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 280 p. (In Russian)
32. *Estetika: Slovar'* [Aesthetics: Dictionary]. Ed. by A. A. Belyaev and others. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 447 p. (In Russian)
33. Bohrn I. C., Altmann U., Lubrich O., Menninghaus W., Jacobs A. M. When we like what we know – a parametric fMRI analysis of beauty and familiarity. *Brain and Language*, 2013, no. 124 (1), pp. 1–8. (In English)
34. Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A. Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2010, no. 42 (3), pp. 651–664. (In English)
35. Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A. Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2017, no. 49 (2), pp. 471–483. (In English)
36. Citron F. M. M., Goldberg A. E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2013, no. 26 (11), pp. 2585–2595. (In English)
37. Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J. Dimensions of metaphorical meaning. *Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon* (Dublin, Ireland, August 23, 2014). pp. 166–173. Available at: <http://www.aclweb.org/anthology/W14-47> (accessed December 05, 2018). (In English)
38. Leder H., Tinio P. P. L., Fuchs I. M., Bohrn I. When attractiveness demands longer looks: the effects of situation and gender. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2010, no. 63 (9), pp. 1858–1871. (In English)
39. Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A. Aptness and beauty in metaphor. *Language and Cognition*, 2016, no. 9 (2), pp. 316–331. (In English)
40. Rolls E. T. Neurobiological foundations of aesthetics and art. *New Ideas in Psychology*, 2017, no. 47, pp. 121–135. (In English)
41. Tendahl M., Gibbs R. W. Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40 (11), pp. 1823–1864. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Динисламова Оксана Юрисовна, научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А).

o.dinislamova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102

Динисламова Светлана Силивёрстовна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А), кандидат филологических наук.

dinislamovass@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2410-4192

ABOUT THE AUTHORS:

Dinislamova Oksana Yurisoovna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A).

o.dinislamova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102

Dinislamova Svetlana Silivyorstovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Philological Sciences.

dinislamovass@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2410-4192